

УДК 101.1

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: МЕЖДУ ОХРАНИТЕЛЬСТВОМ И РЕВОЛЮЦИЕЙ. ОРЕСТ НОВИЦКИЙ И ЕГО ПРОЕКТ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФИИ

А. Л. Анисин, С. С. Анисина

Академия управления МВД России

Поступила в редакцию 1 ноября 2023 г.

Аннотация: статья посвящена анализу интеллектуальной ситуации в Российской империи второй половины XIX в. Рассматриваются вопросы взаимоотношений философии и власти, взаимосвязи философии и религии, Духовных школ и университетской философии, русской философской мысли и европейского Просвещения. На примере исследования истории древней философии, предпринятого О. М. Новицким, раскрывается содержание того философского проекта, который в равной мере реализовывался как философами Духовных школ, так и «вольными мыслителями» славянофильского лагеря.

Ключевые слова: русская философия, академическая философия, образовательная политика, религиозная философия.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the intellectual situation in the Russian Empire of the second half of the XIX century. The issues of the relationship between philosophy and power, the relationship of philosophy and religion, Theological schools and university philosophy, Russian philosophical thought and the European Enlightenment are considered. Using the example of the study of the history of ancient philosophy undertaken by O. M. Novitsky, the content of the philosophical project is revealed, which was equally implemented by both philosophers of Spiritual schools and «free thinkers» of the Slavophile camp.

Key words: Russian philosophy, academic philosophy, educational policy, religious philosophy.

Образ философа, мудреца недаром ассоциируется с отшельничеством, с жизнью «не от мира сего». Философия всегда в высоком смысле этого слова *неуместна*: философ и «простонародью» не свой, и для «элиты» общества бесполезен. «Некоторая тупость ума есть, кажется, почти необходимое качество, если не всякого деятеля, то, по крайней мере, всякого серьезного наживателя денег» [1, с. 8], – с присущей ему пронизательностью писал Федор Михайлович Достоевский. Для успеха в практических делах полезно о некоторых вещах не задумываться.

Отношения философии и политики тоже весьма своеобразны. С одной стороны, власти всегда не просто очень полезна, а просто необходима идеология. В не меньшей степени идеология необходима и тем силам, которые вознамерились политическую власть ниспровернуть. И в этом смысле ресурс различных философских концепций с тем или иным

успехом может быть задействован как власть предержавцами, так и на власть претендующими.

Но, с другой стороны, принцип свободного мышления, лежащий в основе философствования, неизбежно подрывает любые готовые идеологические формулы важные для той или иной стороны в политической борьбе. Для реальной политики свободная философская мысль всегда, как минимум, подозрительна. Ленинский принцип «партийности философии», по сути своей, означает запрет на настоящую философскую мысль. Впрочем, вряд ли можно считать, что основоположник советско-коммунистической идеологии в данном случае начинал искоренение философии «с чистого листа». К сожалению, нужно честно признать, что печальная традиция запрета философии берет свое начало еще в образовательной политике Российской империи XIX в. Однако к этому самому времени относятся также и яркие примеры

© Анисин А. Л., Анисина С. С., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

зарождения самобытных философских идей в творчестве различных русских мыслителей.

В первую очередь здесь, конечно, вспоминают классиков славянофильства А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, теорию «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского, творчество В. С. Соловьёва. Однако была и еще одна достаточно значимая линия развития русской философской мысли, которую упоминает в своей «Истории русской философии» В. В. Зеньковский, но которая была практически забыта последующими исследователями русской мысли. Речь идет о так называемой «академической философии» – не в смысле причастности к Академии наук, а в смысле философского творчества профессоров Духовных академий: «именно из Духовных академий продолжительное время выходили все университетские профессора философии – Сидонский, Юркевич, Новицкий, Гогоцкий, Михневич и многие другие» [2].

Одним из значимых факторов культурной изоляции русского духовенства был, как это ни прозвучит странно, его достаточно высокий образовательный уровень в гуманитарной сфере. Любой сельский священник, т. е. выпускник Духовной семинарии, мог читать и на греческом, и на латыни, имел развитые навыки работы с письменными текстами. Уровень выпускников Духовных академий был еще выше, они владели, помимо древних языков, современными европейскими языками, и это владение было подкреплено знанием обширного массива зарубежной научной литературы. По оценке весьма скупого на похвалы Георгия Флоровского, «Духовная школа была, при всех своих пробелах и немощах, школой классической и гуманитарной, и это была единственная связь, соединяющая русскую культуру и ученость с наследием Средневековья и Возрождения. И в этой школе достигалось твердое знание древних языков, отчасти и еврейского» [3, с. 232–233].

Проблема была только в том, что все эти богатства были не востребованы не только на сельском приходе, но и в крупных городах, – не только сельские батюшки ни с кем не могли обсудить богословско-философские вопросы, но и архиереи, вхожие в высокие социально-политические круги, не имели собеседников с сопоставимым уровнем гуманитарной подготовки. Древние языки в гимназиях, конечно, учили, но в итоге, как писал классик, образованный дворянин мог, как правило, только «потолковать о Ювенале, в конце письма поставить *vale*, да помнил, хоть не без греха, из Энеиды два стиха...». Университеты давали более фундаментальное образование, но в российских университетах никогда не преподавалось богословие, которое в классической западной системе образования было высшей школой гуманитарной мысли. В этом отношении российское университетское об-

разование было фактически лишено серьезного гуманитарного фундамента. А преподавание философских дисциплин в Духовных учебных заведениях в силу сословной изолированности духовного сословия практически не влияло на состояние общественного сознания.

Та историческая фигура, с которой связана тема этой статьи, живо являет собой все уже отмеченные особенности и проблемы развития философской культуры в России XIX в.

Орест Маркович Новицкий родился 13 января 1806 г. в с. Филипы (Пилипы) недалеко от Житомира и Бердичева, на землях, незадолго до этого отошедших к Российской империи после второго раздела Речи Посполитой (23 января 1773 г.). Напомним, что эти места лежат на полпути из Киева в волынские земли (Ровно и Луцк).

Происходил Новицкий из родовитых волынских дворян, однако избрал духовную и ученую карьеру. Сначала он учился в основанной за десять лет до его рождения Волынской духовной семинарии, а затем, с 1827 г. по 1831 г. – в Киевской духовной академии. После окончания академии он остался в ней преподавать, став в 28 лет экстраординарным профессором философии, а затем, с 1837 г. занял кафедру философии в Императорском университете Св. Владимира. Этот университет был учрежден в Киеве в конце 1833 г. вместо закрытых после Польского восстания 1830–1831 гг. Виленского университета и Кременецкого лицея. Он стал вторым университетом на территории Малороссии после Харьковского (1804 г. основания). Занятия в нем начались в 1834 г., и университет имел первоначально два факультета: философский и юридический. Позднее из философского был выделен физико-математический факультет, а в 1841 г. взамен упраздненной Виленской медико-хирургической академии в Киевском Императорском университете Св. Владимира был открыт медицинский факультет.

Орест Маркович Новицкий преподавал философию в Киевском университете вплоть до 1850 г., когда это преподавание было фактически упразднено Высочайшим повелением императора Николая I. Строго говоря, в этом повелении от 22 июня говорилось об «ограничении преподавания философии логикой и психологией с возложением чтения оных на профессоров богословия», но это и означало полное исключение собственно философской проблематики из программ высшего образования.

Возьмем на себя смелость предположить, что это решение вызвало у Новицкого неоднозначные чувства. С одной стороны, как человек, посвятивший свою жизнь именно изучению и преподаванию философии, он не мог не сожалеть о таком изменении учебных планов. Но, с другой стороны, парадокс

заключается в том, что, запрещая преподавание философии в университетах, император Николай I пытался достичь целей именно той борьбы, которую вел О. М. Новицкий, преподавая философию в университете.

Царствование Николая I началось, как известно, с декабрьского восстания 1825 г., во главе которого стояли люди, вдохновлённые идеями Великой французской революции, – и всё это царствование проходило под знаком борьбы против революционной смуты. Не стоит при этом приписывать (как это часто делается) инициативу гонений на философию личным качествам императора Николая, эти процессы начались еще при его старшем брате, Александре I, в самом начале царствования которого к двум столичным университетам в Санкт-Петербурге и Москве добавились еще четыре: в Дерпте, Вильно, Харькове и Казани.

Идеологические проблемы в российском высшем образовании начались сразу после заграничного похода русской армии 1813–1815 гг., который, принеся военную победу, принес на русскую почву и в эти первые российские университеты либеральные европейские идеи. Философия и философы уже тогда стали рассматриваться российской государственной властью (и очень небезосновательно) как проводники революционной антигосударственной, антиклерикальной и антирусской идеологии.

Первые системные меры против «умственной заразы» начали предприниматься уже с 1816 г. Как отмечает современный исследователь процессов становления университетского образования в России, «мучимый тревогами, сомнениями, подозрительностью и недоверием к окружающим, Александр I всё больше проникался убеждением в опасности народного просвещения, с которым у него неразрывно стала ассоциироваться угроза бунтов и революционных потрясений» [4, с. 12]. В 1819–1821 гг. по преподаванию именно философии был уже нанесен первый сильный удар и последние годы царствования Александра I отмечены продолжением гонений на философию. Менее других подвергся коренной перестройке старейший в России Московский университет, однако, как отмечает тот же автор, «полностью оказаться в стороне от “охранительных неистовств” он не смог. Здесь также, вслед за Харьковским, Дерптским, Петербургским университетами, было запрещено преподавание философских и общественно-политических наук, изъяты произведения просветителей, изгнаны профессора с прогрессивными взглядами» [там же, с. 15].

Император Николай I при своем воцарении, как уже сказано, имел возможность воочию наблюдать дух революции в действии, и первое десятилетие его правления никакого оживления в преподавание философии не принесло, впрочем, и такого открытого

гонения на философию, каким были отмечены последние годы царствования Александра I, тоже не было. А вот начало 1830-х гг. стало некоторым ренессансом философии как учебной дисциплины. Теория официальной народности, провозглашенная графом С. С. Уваровым при вступлении в должность министра народного просвещения 19 ноября 1833 г., претендовала на роль государственной идеологии, которая требовала, в том числе, философской разработки в противовес европейскому безбожному и революционному Просвещению.

Учреждение в Киеве Императорского университета Св. Владимира с двумя факультетами: философским и юридическим, – как и приглашение на кафедру философии этого университета из Киевской духовной академии О. М. Новицкого были знаками этого нового отношения к преподаванию философии, которое связано с именем С. С. Уварова. Однако, к сожалению, эта «оттепель» длилась недолго, и когда в университет из той же Духовной академии приходит еще один талантливый философ, ученый-филолог и будущий автор первой российской философской энциклопедии Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий, приходит именно с намерением преподавать философию, он уже «сталкивается с неожиданным препятствием – этот предмет исключен из учебного курса» [5, с. 86].

Дело в том, что между началом 1830-х и концом 1840-х гг. пролегает еще один идейно-политический разлом европейской жизни, в которую Россия была уже органически включена. 1848–1849 гг. – это время новых революций по всей Европе, так называемая «весна народов». В целом этот революционный кризис странам Европы удалось преодолеть, гражданские войны были всюду потушены, однако масштаб политических и общественных потрясений не мог не вызвать крайней обеспокоенности государственных властей. Россия оказалась почти не затронута революционными событиями – в западных губерниях были своевременно раскрыты и ликвидированы революционные ячейки, их участники отправлены в ссылку, этим дело и обошлось. Впрочем, через 14 лет европейская революция отозвалась и в Российской империи Польским восстанием 1863–1864 гг.

Возможно, что непосредственным толчком к принятию радикальных мер по прекращению преподавания философии в университетах стало раскрытие революционного кружка петрашевцев в 1849 г. Никакого политического заговора в этом кружке не было, участники встреч у Михаила Буташевича-Петрашевского обсуждали идеи утопического социализма, модные идеи европейской философии и общественной мысли. Однако реакция властей на этот молодежно-просветительский кружок (большинству участников, как и лидеру, не исполнилось еще 30 лет) напоминала анафилактический шок.

«Пагубные учения, породившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались в некоторой степени и в нашем Отечестве. Но в России, где святая вера, любовь к монарху и преданность престолу основаны на природных свойствах народа и доселе хранятся непоколебимо в сердце каждого, только горсть людей совершенно ничтожных, большей частью молодых и безнравственных, мечтала о возможности попрасть священнейшие права религии, закона и собственности», – говорилось в правительственном сообщении (газета «Русский инвалид» от 23 декабря 1849 г.) [6, с. 5], цитирующем приговор военного суда, по которому все подсудимые, 21 человек, были приговорены к смертной казни – расстрелу. Впрочем, суд, учитывая смягчающие обстоятельства, счел возможным ходатайствовать об уменьшении наказания, что и было сделано: самому Буташевич-Петрашевскому – бессрочная каторга, двоим, в том числе Ф. М. Достоевскому, – 4 года каторги и на 4 года в рядовые, остальным еще меньше.

А еще через полгода последовало уже помянутое Высочайшее повеление о фактическом упразднении преподавания философии в университетах. С высоты нашего исторического опыта мы можем сказать, что эта мера никак не смогла помешать распространению революционных идей в образованном российском обществе. Более того, следует, видимо, признать, что эта мера была ошибкой и привела к совершенно противоположным результатам. В условиях недостатка высоких форм философской культуры в XIX и XX вв. получили возможность развиваться в самой упрощенной и грубой форме как раз идеи материализма, атеизма, позитивизма, беспочвенного социального прожектерства и тому подобные опошленные плоды европейского прогресса.

Между тем в первой половине XIX в. в русской духовной культуре появился мощный ресурс противодействия таким тенденциям, и этот ресурс, к сожалению, оказался практически невостребованным. Речь идет о переводах на русский язык большого корпуса текстов святоотеческой литературы, которые были подготовлены в Духовных академиях. Киевская Духовная академия специализировалась на латинских отцах, Московская – на греческих, отдельные переводы выпускались также другими академиями: Петербургская издала Иоанна Златоуста и Феодора Студита, Казанская – труды Оригена.

Именно как синтез этой духовной глубины православного святоотеческого наследия и философской методологии, выработанной в европейской традиции, А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским была сформулирована концепция «цельного разума», «цельного знания», а также осмыслены явление и понятие «со-

борного единства» как высшей формы общности людей и духовной основы человеческой общественной жизни вообще.

О. М. Новицкий, как и многие преподаватели духовных школ, работал в том же направлении: религиозные, философские, нравственные, эстетические устремления человеческого духа осмыслились им в живой внутренней взаимосвязи цельного разума. Один из представителей следующего поколения философов духовных школ Петр Иванович Линицкий (1839–1906) отстаивал истинно философское понимание общества против социологически-позитивистского упрощения, проводящего аналогию между строением общества и строением живого организма. Современный исследователь так воспроизводит его позицию в этом вопросе: «Единство в обществе в отличие от единства в живом организме носит идеальный, а не материальный характер. Идеальное единство общества предполагает, прежде всего, цель, которая постепенно осуществляется, единство в обществе состоит в общении, между тем как единство в организме является субстанциональным, т. е. существующим независимо от различных частей организма» [7, с. 98].

Очень важная черта роднит духовно-академическую философию со свободным философским творчеством славянофилов: сочетание опоры на разум с глубоким раскрытием духовной природы самого разума, органическое единство религиозных интуиций, нравственного самоопределения и рационального мышления.

Начиная речь «о разуме и его идеях», О. М. Новицкий пишет: «Есть в глубине нашего духа такие убеждения и требования, которые не приобретаются усилиями рассудочного мышления и которых предметы относятся к миру сверхчувственному, духовному. Таково убеждение в бытии Божиим, бессмертии души, таковы нравственные требования и пр. Способность созерцать и уразумевать предметы этих высших убеждений и требований нашего духа есть разум, а самые созерцания разума обыкновенно называются идеями» [там же, с. 352]. При этом, как резюмирует современный исследователь эту сторону учения О. М. Новицкого, «ясность восприятия идей зависит не только от дарований, но также от нравственного состояния человека» [8, с. 257].

Однако, как указывает О. М. Новицкий, выраженное в культуре человеческое творчество на основе идей не может полностью удовлетворить требования человеческого сердца, так как это творчество, включая сюда и так называемые «естественные религии» как естественное произведение человеческого духа, хотя и опирается на идеи, но не раскрывает ту реальность, которая стоит за ними. В естественных языческих религиях также можно видеть иногда элементы

трансцендентного духовного опыта, однако настоящее раскрытие этой запредельной реальности есть дело Богооткровенной, христианской религии.

Именно с этих позиций Новицким был предпринят большой историко-философский труд в четырех частях под названием «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований» – первый опыт истории древней философии на русском языке. Первая часть этого четырехтомника была недавно переиздана, причем не репринтом, а в научно отредактированном виде с приложением программной статьи «О разуме как высшей познавательной способности» [9].

Как видно уже из развернутого названия, автор рассматривает зарождение и развитие древней философии в ее тесной связи с древними религиями. Предлагаемая им логическая схема тех этапов, которые проходят религия и философия в истории своих отношений, неизбежно, как и всякая схема, упрощает реальную картину духовной жизни древнего и современного человечества, однако эта схема помогает уловить глубинный смысл процессов, происходящих в истории. Одним из главных достоинств книги является сам этот теоретико-методологический подход. Историко-философский труд О. М. Новицкого может быть полезен современному читателю как выражение очень глубокого и целостного понимания духовной жизни человека в целом, как пример последовательной проработки смысла философии и смысла религии в глубокой взаимосвязи этих двух форм духовной активности, которые рассматриваются как неразрывные стороны единого процесса духовного, мировоззренческого самоопределения человечества.

Можно, конечно, уточнять и приводимые в книге исторические сведения (с точки зрения новых исторических данных), и ту логику их связи, которая предлагается автором (с точки зрения новой методологии гуманитарных наук), но при этом книга решает главную свою задачу: дать целостную картину зарождения и первоначального развития философской мысли в ее живой связи с другими проявлениями человеческого духа, – с религией, прежде всего.

Таким образом, обозначенная философская позиция О. М. Новицкого имеет не только историко-философское значение для понимания мысли прошлого. Эта позиция знаменует также самобытный и духовно глубокий философский проект, развиваемый и славнофильским течением русской философской мысли, и философами духовных академий. Те философские идеи, которые были выработаны в рамках этого проекта, имели все шансы победить распространявшийся материализм, атеизм, узколобый позитивизм и беспочвенный радикализм в открытой и свободной философской дискуссии. Однако горькое недоразумение заключается в том, что развитию оригинальной

русской философии помешало именно российское государство, которое более всего нуждалось защите от этих духовно-ценностных угроз. Вместо того, чтобы дать возможность свободного развития русской философской мысли, осмысляющей духовный опыт православной веры, государство через механизм цензуры сделало всё, чтобы на русском языке и в родном Отечестве не выходили произведения А. С. Хомякова (и он печатал их за границей по-французски), чтобы самораспустилось в Москве «Общество любомудрия», чтобы И. В. Киреевский так и не получил философскую кафедру в Московском университете.

Цензурным запретам подвергались, разумеется, и публикации деятелей революционно-демократического лагеря – для того эти цензурные запреты и были введены, – однако на социально-утопических, материалистических и атеистических взглядах лежал флер запретности и «прогрессивности», эти взгляды узурпировали себе наименование «передовых», и потому цензура никак не могла сдержать их распространения.

В шестом номере журнала «Современник» за 1860 г. вышла без подписи рецензия на книгу О. М. Новицкого, написанная Н. Г. Чернышевским. Тон этой рецензии крайне резок, что и неудивительно: Чернышевский почувствовал в изложенном подходе к пониманию философии вообще и ее истории, в частности, глубокую опасность. Новицкий не только связывал начало философской рефлексии с развитием религиозной жизни человечества, но и, опираясь на высшие достижения европейской философии в лице Гегеля, предсказывал будущий духовный синтез религиозной веры и философской мысли. Сама мысль об этом казалась материалистически-позитивистскому уму Чернышевского кощунственным анахронизмом.

Интересен прием, который использует революционный публицист в своей полемике: он рисует прогрессистскую картину мировой истории, где авангард человечества постоянно уходит вперед, а основная масса отстает от этого движения. Он приводит примеры из Античности и Средних веков, из религиозной истории Европы, начиная с XVI в., констатирует, что *«у нас, например, огромное большинство поэтов и публики продолжает считать Пушкина лучшим представителем русской поэзии, между тем как время Пушкина уже давно прошло»* [10, с. 232] (да вот, прямо так Н. Г. Чернышевский и пишет!). И мысль его проста: отсталых ретроградов всегда много, и это естественно, но, когда передовыми отрядами человечества уже завоеваны новые рубежи, ничто старое уже не может иметь другого значения, кроме как служить мрачным уродливым фоном для нашей светлой прогрессивности.

А переходя к содержанию труда О. М. Новицкого, Чернышевский, по существу, доводит до абсурда

логику запретителей и охранителей: если ты встаешь на религиозную позицию, то ты не должен уже заниматься философией, раз религия дает более высокое и прочное знание, то зачем тебе философия с ее вечными сомнениями и поисками, если ты уверен, что языческие верования являются заблуждением человеческого ума, то зачем тебе ими интересоваться и в них разбираться? «Человек, находящий безусловную истину в религии сверхъестественного откровения, не может заниматься языческими учениями с холодной ученой целью. Все они для него – плоды лжи и греха» [там же, с. 241], – пишет Чернышевский, доводя до «логического абсурда» ортодоксально-религиозную позицию.

О. М. Новицкий ответил на критику Чернышевского (он, правда, не знал, кому отвечает, поскольку рецензия в «Современнике» была анонимной). Он выражает недоумение по поводу раздраженного и ожесточенного тона рецензии, а также того упрека, что основные идеи книги заимствованы якобы «из отсталых немецких философов, излагающих языком Канта, Шеллинга и Гегеля средневековые идеи». Источники, на которые опирается Новицкий, – это самый передовой уровень тогдашней исторической науки, и он вынужден был повторить это еще раз в своем ответе. Но, конечно, главным пунктом раздраженных претензий Чернышевского был вопрос о соотношении философии и религии. Возводя непреходимую стену между верой и разумом, он настаивает на том, что верующий человек обязан довольствоваться богооткровенной религией и не желать никакого другого знания, а философ должен быть обращен исключительно к земному знанию, которое «может сообщать нам только сведения о внешней и материальной природе и о человеке, как о существе земном, материальном» [там же, с. 240]. Для Новицкого же принципиально важно утверждение единства духовных сил человека – его разума, веры, нравственного долга, чувства красоты и т. д. Как и чуть позже, «для Линицкого важным было показать и то, что философия связана с религией, но не сводится к ней. Всякая религия содержит в себе теоретические представления, к которым относятся представления о Боге, мире и человеке, присущие и философии, принимаемые ею как априорные понятия, но в отличие от религии философия опирается на разум. В отличие от религии основу философии составляют только воззрения, полученные в результате рациональной деятельности и размышлений, основу которых составляют эмпирические данные» [11, с. 713].

Редукция философии к естественным наукам не всегда прямо провозглашается материализмом, но она, кстати сказать, всегда логически следует из материалистических установок. Даже если материалист пытается иногда заговорить о каких-то глубоких,

настоящих человеческих вопросах: свобода, совесть, смысл жизни, красота, истина, Родина, любовь, (...) – всё-таки, доходя до последней ясности, он будет вынужден признать всё это иллюзиями в рамках своего понимания жизни, которая, по выражению классика марксистской философии Ф. Энгельса, есть просто «способ существования белковых тел» [12, с. 82].

По словам современного исследователя, «Ор. Новицкий приходит к выводу, что никогда еще ни один материалист не опроверг действительности духовного мира и ни один еще не сказал разумного слова по поводу объяснения происхождения наших духовных способностей, а потому материалисты встречают любое антиматериалистическое произведение с ожесточением и ненавистью» [13, с. 154–155]. Никакой содержательной дискуссии в такой ситуации состояться не может. Сведение жизни, человеческой в том числе, в конечном счете, к «способу существования белковых тел» закрывает саму возможность по-настоящему обсуждать проблемы духовного порядка.

В противовес этому в русской философской традиции, к которой органично принадлежали философы духовных школ, развивался иной образ человеческой личности: «Духовность внутреннего мира человека как проекции абсолютного существа в контексте традиции духовно-академического теизма неразрывно сопряжена со свободой и религиозно-нравственными основаниями, которые могут быть истолкованы как необходимые условия или законы жизни личностного бытия» [14, с. 87].

К большому сожалению, своего историко-философского исследования Орест Маркович Новицкий не продолжил, – четырехтомник «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований» остался мощным началом так и не реализованного проекта. Однако даже в таком виде труд Новицкого дает нам огромный фактический материал и является примером реализации подлинно духовного подхода к пониманию историко-философского процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 12 т. / Ф. М. Достоевский. – М., 1982. – Т. 7.
2. Беленчук Л. Н. Отечественная духовная школа в трудах Георгия Флоровского / Л. Н. Беленчук // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/53PDMN120.pdf>
3. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / прот. Г. В. Флоровский. – Репринт. изд., ориг. Париж, 1937. – Вильнюс : Вильтис, 1991.
4. Новиков М. В. Ревизия университетского Устава 1804 г. / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1, № 2. – С. 11–16.

5. Прокофьева Е. А. Педагогическая деятельность и взгляды С. С. Гогоцкого : к 200-летию со дня рождения / Е. А. Прокофьева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2013. – № 3 (30). – С. 84–92.
6. Жданов В. Поэзия в кружке петрашевцев / В. Жданов. – Л. : Сов. писатель, 1940.
7. Мозговая Н. Г. Позитивизм и Киевская духовно-академическая философия : два взгляда на метод исследования социальных явлений / Н. Г. Мозговая // Соловьевские исследования. – 2008. – № 1 (16). – С. 91–100.
8. Коцюба В. И. Учение о высших способностях человека в духовных академиях Москвы и Киева в первой половине XIX в. / В. И. Коцюба // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2009. – № 12. – С. 250–262.
9. Новицкий О. М. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований / О. М. Новицкий. – Тюмень : ИП Сайфуллин Т. А., 2023. – Т. 1, ч. 1: Религия и философия Древнего Востока. – 386 с.
10. Чернышевский Н. Г. Соч. : в 2 т. / Н. Г. Чернышевский. – М. : Мысль, 1987. – Т. 2.
11. Мачкарина О. Д. Философия в образовательных программах духовных академий XIX века в оценках П. И. Линицкого / О. Д. Мачкарина, Н. Д. Дацюк // Вестник МГТУ. Труды Мурманского гос. техн. ун-та. – 2014. – Т. 17, № 4. – С. 707–715.
12. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20.
13. Мозговая Н. Г. Позитивизм и Киевская духовно-академическая философия : на примере творческого наследия Ор. Новицкого и С. Гогоцкого / Н. Г. Мозговая // Соловьевские исследования. – 2007. – Вып. 1 (14). – С. 150–160.
14. Бондаренко В. В. Личность человека как метафизическая проекция Абсолюта в традиции духовно-академического теизма / В. В. Бондаренко // Вестник Моск. гос. област. ун-та. Серия: Философские науки. – 2019 – № 2. – С. 76–92.

Академия управления МВД России

Анисин А. Л., доктор философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления

E-mail: anisin@bk.ru

Анисина С. С., к. филос. наук, доцент, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами

E-mail: asserna@bk.ru

Academy of Management of the MIA of Russia

Anisin A. L., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Government

E-mail: anisin@bk.ru

Anisina S. S., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of work with personnel

E-mail: asserna@bk.ru